
М. В. ИГОЛКИН

КРИЗИС – КРАХ МОНЕТАРИЗМА

Вспышка кризиса обнажила крах финансово-банковской системы и утрату контроля над ней даже со стороны высшего руководства стран. Более того, стал очевидным отрыв руководителей государств от реальной экономики товаров и услуг в увязке с покупательной способностью массы – при совершенно неразумном увлечении сверхденежными пирамидами, гонкой «рейтингов», биржевых активов и т. п., преподносимыми как инструменты «новой экономики».

Первым в феврале 2008 г. свои ошибки в управлении финансами признал в Конгрессе США А. Гринспен, известный опытный финансист и руководитель ФРС США. Через год *глубокие извинения британцам за причиненные беды* принесли британские банкиры. Затем заволновались политики в ЕЭС, СЕ. Наконец, и в России перестали «трещать» об «удвоении ВВП», биржевых активах, то есть тоже поняли, что заигрались в «мыльные пузыри» и утонули в банковских джунглях Запада.

Между тем признаки того, что дело добром не кончится, бросались в глаза задолго до признаний творцов краха о бессилии его предотвратить.

Так, профессиональный контролер и риск-менеджер крупнейшего британского банка HBOS (еле сохраненного «инъекциями» государства) Пол Мур позднее писал, что с 2003 г. он тщетно предупреждал совет директоров банка о недопустимости избыточного потребительского и ипотечного кредитования и нарушения надзорных норм. С ним не спорили, но *«имело место совершенно неадекватное разделение власти между топ-менеджерами и всеми теми, кто отвечал за надзор за их действиями, то есть ответственными за внутренний контроль, независимыми директорами, внешними аудиторами, FSA, акционерами и политиками»*¹.

¹ «Полный провал во всех аспектах управления», – Пол Мур, экс-директор отдела нормативных рисков HBOS // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://bankir.ru/publication/article/1701723>

Финансовая надстройка начала свои «игры» в потребительские кредиты, ипотеку под недвижимость, в гонку IPO, накачку фондовой капитализации безотносительно к состоянию собственного капитала банков, инвестфондов, компаний-эмитентов и т. д. **задолго до кризиса** (Enron, WorldCom, Parmalat и т. д.).

Эти «мыльные пузыри», накапливавшиеся с конца 90-х гг. в США, Великобритании, России и т. д., когда-нибудь должны были лопнуть. И они лопнули, столкнув мир в глобальный финансово-экономический кризис, лишней раз на деле показав несостоятельность либеральной модели рыночной экономики, особенно в условиях, когда она базируется на необеспеченной валюте (долларе США).

В основе краха лежит то, что клонирование финансовых организаций, гонка кредитования, особенно ипотечного, постепенно приводили к разрастанию надстройки спекулятивно-ростовщического капитала. Появилась масса расплзающихся по всему свету паразитирующих бирж, фондов, хедж-фондов и т. п., которые отодвинули реальную экономику на задний план. При этом банки повсеместно стали уходить от государственного контроля, но умудрялись брать государственные гарантии под свои слияния-поглощения, экспансию в другие отрасли. Возникла глобальная сверхсложная «новая экономика» сверхденег (деньги – деньги 1 – деньги 2...), самодовлеющая над всем.

Финансовая супермашина, замкнутая сама на себя, вышла на первый план, а реальное производство оказалось в положении псынка. Сращивание же олигархата с медиакратией и бюрократией позволило в значительной степени нейтрализовать госконтроль, оттеснить государство от экономики и резко снизить его возможности в области социальной политики, монопольно манипулировать ценами на энергоресурсы, товары и услуги. Неслучайно так тщательно затушевывается вопрос о соответствии цен реальной стоимости товаров и их качеству. То же – с функцией денег как меновых стоимостей, как средства валютных измерений.

На фоне «отсутствия морали у рынков»² все это оборачивается произволом монетаризма, абсолютизацией потребительства, причем рыночная атомизация людей приводит к их социальной деградации, к пренебрежению социальными ценностями.

² Сорос, Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / пер. с англ. М. З. Штернгарца, С. К. Умрихиной. – М.: Инфра, 1999. – С. 262.

Развитие этих процессов вело к углубляющемуся самоотчуждению финансовых групп, систем от общества и государства и даже от реального производства. В итоге международные финансовые рынки, их субъекты (фондовые и валютные биржи, инвестфонды, банки) вышли за рамки доступности контроля и объективного рейтингования, государственного регулирования, надзора национальных и мировых регуляторов (Давос, МВФ и т. п.).

Лидеры «Семерки», «Восьмерки», «Двадцатки» лишь после этого забили тревогу.

После ряда экстренных совещаний (от Эвиана в мае 2008 г. до собрания ведущих членов Евросоюза у А. Меркель 24 февраля 2009 г.) сошлись на срочной необходимости регулирования и надзора за международными финансовыми рынками. Причем надзора как «полной системы» без «белых пятен», как выразилась А. Меркель. Вот ее позиция: *«Мы признаем необходимость того, что все финансовые рынки, продукты и участники, включая хедж-фонды и рейтинговые агентства, а также другие частные игроки должны быть охвачены контролем и регулированием»*³. В. Путин в Давосе (январь 2009 г.) тоже отмечал *«низкое качество регулирования сложившейся финансовой системы»*, а также неравномерность экономического роста и несправедливость распределения, ошибочную ставку на постоянный спрос, приведшую к гонке фондовых индексов и капитализации. *«Это было не заработанное благополучие, а благополучие в долг, за счет будущих поколений. Эта пирамида должна была рано или поздно рухнуть»*⁴.

Наконец-то заговорили о **необходимости санкций** против всевозможных «налоговых оазисов» (офшоры, где, облегчая казну РФ, регистрируют свой теневой бизнес все российские предприниматели), «регионов, где осуществляется нетранспарентный бизнес» (Швейцария и др. – М. И.). А. Меркель потребовала **список** этих оазисов и регионов.

Особо выделены:

– контроль над хедж-фондами как центрами концентрации и переброски в любую точку планеты огромных финансовых потоков;

³ Шпаков, Ю., Денисов, А., Ситнина, В. Хартия финансовой морали // Время новостей. – 2009. – 29 февраля. – С. 8.

⁴ Кузнецова, В. Идеальный шторм // Время новостей. – 2009. – 29 января.

– создание «системы раннего оповещения о кризисах»;
– ограничение всевозможных бонусных выплат менеджерам и доходов банкиров, финансистов в целом для восстановления доверия к финансовым рынкам;

– «*бизнес, прежде всего финансовый, должен быть моральным и нравственным*». (Отметим, однако, что это заимствование из ранних социальных утопистов противоречит сущности рынка, где, по Дж. Соросу, «*совесть – помеха*», а нравственно все, что эффективно.)

С учетом идеи английского премьера Г. Брауна о «*глобальной координации антикризисных мер*» появился своего рода «некоммунистический манифест» (подобно «Капиталистическому манифесту» Л. Келсо и М. Адлера благополучных для капитализма 70-х гг. XX в.) – **хартия устойчивости экономики**, разработанная и принятая по инициативе А. Меркель и определяющая принципы новой глобальной финансовой системы.

Тем самым признана несостоятельной идея однополюсного мира, однотипной формации, где весь мир – большая Америка, основывающаяся на сверхмощи и технологическом доминировании США, ценностях потребительства, псевдокультуре постмодернизма. Реально формирующиеся биполярность и многоцентрие, нежелание стран поступаться национальным достоинством застопорили и либеральную глобализацию, задуманную как рычаг господства клуба «Семерки». Заигрывание с новыми центрами мощи и развития (такими как БРИК) в формате «Двадцатки» (Лондон, апрель 2009 г.) ясно обозначило возрастающую потребность в обеспечении межсистемного равновесия, по причине чего не просто теоретически, но и реально при новых обстоятельствах актуализируется парадигма биполярной организации мира.

Если говорить точнее, реалии мира все более внятно ставят перед человечеством вопрос об организации управления целостной системой «Космос – Биосфера – Общество – Человек» (В. Н. Иванов и др.) с выходом на модель ноосферного управления (А. Суббето, А. Федотов, М. Иголкин и др.). Однако кризисная энтропия, усиливающееся расслоение общества, атомизация социума и экологическая неустойчивость в мире, движение без опоры на адекватную общую идеологию с соответствующей ей системой ценностей и без стремления к обеспечению справедливости, навязчивая

пропаганда приобретательства как смысла и образа жизни – все это невероятно затрудняет переход на путь разумного мироустройства.

Нельзя забывать и о возможности тотальной идеологической подтасовки капиталом и медиакратией уроков кризиса – с целью изобразить кризис неким общечеловеческим, надформационным феноменом и тем самым свалить вину за него на всех.

Особенно это важно для России.

В постсоветской России затянувшегося с 90-х гг. строительства «рыночной экономики», то есть исторически запоздавшего капитализма, компрадорского по интересам, **все усложняется**. Ее спекулятивно-ростовщический капитал (включая олигархов-«многоэтапников», элиту РСПП) фактически не «держит» ударов кризиса. Особенно банковский сектор, даже сносные ФПГ типа «Норникель», «Северсталь», «Русал-Суал», «Евраз» и т. д. И, как ни парадоксально, государство бросилось спасать эти секторы капитала, хотя они **постоянно выталкивали его из экономики, всячески мешали** осуществлению госрегулирования, то есть, надо понимать, сознательно шли также и на снятие с государства ответственности за результаты их деятельности.

Какова же логика введения «*финансового социализма*» (Д. Медведев) для прожорливых банков-спекулянтов, ФПГ путем рассовывания им беззалоговых кредитов, снижения налогов и экспортных тарифов, уже стоивших казне более трети стабфонда и невозможности с 2009 г. сверстать бездефицитный бюджет? За какие заслуги перед отечеством такая забота о них, коль скоро эти «новые стратегические собственники» (за единичными исключениями) так и не удосужились модернизировать, тем более диверсифицировать, экономику хотя бы до уровня тех же 90-х гг.? Было бы хоть какое-то оправдание, если бы выделенные государством средства были использованы их получателями для сохранения и развития отечественной экономики, на что надеялись власти. Однако огромная часть их быстренько оказалась выведенной в офшоры, в страны, прячущие сомнительные доходы, а их владельцы – как сбежавшие от российского правосудия, так и зарегистрированные в России (Ваксельберг в Цюрихе и т. д.) – стали обживать свои заморские поместья и дома в Лондоне и других городах Европы и Америки.

Если принять во внимание оценку А. Кудрина, что кризис продолжится 3–5 лет, то случайный углеводородный рост рынка следует считать закончившимся, полученные ранее сверхдоходы от него будут в кризисный период израсходованы. Поскольку же в экономике России не просматривается появления нового качества для обеспечения ее роста, то неясно, что имеют в виду политики, предвещающие России, что она выйдет из кризиса окрепшей.

Россия может погасить пожар в своем доме только в том случае, если она перестанет носить воду решетом.

Действительно, страна должна, наконец, залатать те дыры, через которые достояние всего народа утекает в карманы алчных нуворишей. Это значит, что необходимо обеспечить:

- во-первых, управление государственными финансами в интересах сохранения и развития страны в целом, а не суетящихся около казны не в меру жадных до денег частных структур, жаждущих получить их для самосохранения и собственного обогащения;

- во-вторых, прекращение незаконного отчуждения у народа природной ренты, за счет которой торгующие сырьевыми ресурсами компании формируют свои сверхприбыли;

- в-третьих, понуждение ведущих ФПП к осуществлению модернизации запущенной экономики, а также к восстановлению и развитию фактически утраченной социальной сферы, применяя для этого все способы воздействия на бизнес, вплоть до национализации уклоняющихся от выполнения означенных задач или не справляющихся с ними компаний (хотя бы по схеме Ю. Лужкова);

- в-четвертых, при определении приоритетов выдвижение на первый план показателя социально-экономической целесообразности производств (вместо чисто рыночной эффективности) в сочетании с разумным формированием потребностей вместо безумного взвинчивания их в гонке за прибылью. Или, иными словами, сдержанность в эксплуатации природных ресурсов вместо неосмотрительного их распыла без заботы о будущем планеты и следующих поколений людей;

- в-пятых, соединение на деле образования и воспитания людей с целью их интеллектуального и духовно-нравственного развития и формирования лучших качеств созидателя и общественной лич-

ности, способной прежде всего многое дать обществу, а не урвать от него в духе рекламы «Бери от жизни все!»;

– в-шестых, введение надежных правовых и нравственно-этических регуляторов для уничтожения вредности СМИ, вплоть до национализации медиахолдингов, злоупотребляющих правом на свободу слова вопреки закону, а также интересам и смыслу общественного прогресса.

Однако Правительство РФ, как видно, намерено продолжить движение по старой, наезженной колее. В стратегии развития финансового рынка России до 2020 г. оно ставит такие задачи, как:

– создание в Москве международного финансового центра *(и это – на фоне замораживания фондового рынка, дефицита бюджета, преобладания в структуре ВВП доходов от сырьевой торговли и падения рубля!);*

– объем облигаций должен вырасти до 19 трлн р., а вся биржевая торговля – до 240 трлн р. *(что в 8 раз больше начала благополучного 2008 г. и почти в 32 раза больше, чем сейчас!);*

– капитализация публичных компаний в России должна в *5,3 раза превысить имеющуюся в благополучном январе 2008 г.* (это при том что самое глубокое падение индексов вызвали их завышенные котировки!).

Вопрос, однако, в том, что такую массу денег и их суррогатов (ценных бумаг) не сумеет «переварить» экономика России, которая в лучшем случае будет оставаться индустриально-сырьевой. Так что, по существу, речь идет о создании таких же «мыльных пузырей», которые привели к кризису экономику США и других развитых стран, поскольку именно нарушение соответствия массы денег и способности к развитию постиндустриальной экономики США стало причиной нынешнего кризиса.

По непроработанности и отсутствию обоснования эта «стратегия» напоминает «план Путина» об удвоении ВВП к 2012 г., ибо вся она построена на предположении о переходе ведущей роли развитых рынков к рынкам развивающимся; однако в этом отношении дело также кончится скорее всего конфузом: 600-метровая башня центра «Москва-Сити» может разделить участь библейской Вавилонской башни. Ведь у тех же США золотые резервы – 8133,5 т (79,8 % мировых золотовалютных запасов), у России – 450,9 т

(4,42 %), у Китая – 600 т (5,89 %). А это – главный аргумент против красивой гипотезы о скором перехвате лидерства развивающимися рынками.

Кроме того, Запад и в концептуальном подходе к проблеме преодоления кризиса дает фору нашим политикам. Он хотя бы признал невозможность сохранения прежних подходов к управлению финансовой системой и поставил вопрос о ее реформировании в части усиления надзирающих и регулирующих структур (МВФ, МБ и т. п.), регулирования рынков, включая офшоры и «налоговые оазисы», ограничения биржевой накачки основного капитала финансовых структур, упорядочения рейтинговой деятельности с обеспечением ответственности рейтинговых агентств и рекламного бизнеса, внесения морально-нравственных требований и ограничений во всей финансовой деятельности и т. д.

Мы же, как видно, по-прежнему уповаем на дискредитировавший себя монетаризм. И это когда более искушенные в нем страны выдвигают лозунги: «Капитализм – не для спекулянтов, а для предпринимателей!», «Вернуть капитализм, в который мы верили!» и т. п.

Да, капитализм под лозунгом социального государства сумел было освоить многое из советского опыта социального регулирования и снизить напряжение между трудом и капиталом. Однако по мере разрушения социального антипода в 1989–1993 гг. он сужал применение этого опыта и все более пятился к неоконсерватизму и правому либерализму, оправдываясь тем, что «перераспределение не оправдало себя». Альтернативный ему ипотечно-потребительский бум обернулся незатухающим кризисом, социальными конфликтами, ностальгией по «хорошему капитализму», по утраченной, хотя бы и локальной, справедливости.

Вышеназванные меры оздоровления прежде всего финансовой системы слишком серьезны, коль Запад не постоял за ценой в 6–7 трлн долларов ради сохранения финансово-экономических основ капитализма 1980-х – начала 2000-х гг. Если схватки вокруг сделки GM – Опель – Сбербанк заканчиваются 10 % акций рабочему коллективу, власти США, Англии, Германии вводят **пределы** концентрации банковского и промышленного капитала, дабы сузить монополизацию и дать толчок среднему и мелкому бизнесу, конку-

ренции производства, то мы имеем новую фазу госмонополистического регулирования в новейших технологических условиях при одновременном снижении социальной ответственности государства за оплату труда.

В США пошли еще дальше. Барак Обама по предложению Барни Фрэнка создает Совет финансового надзора при правительстве США, наделяемый правом определять размеры компаний и демонтировать неуправляемые, способные рухнуть, а также вводит нормативы по соотношению собственного и заемного капитала, что, как ожидается, снизит для налогоплательщиков риск «расплачиваться за убытки, понесенные частными компаниями»⁵.

Это – лишь начало борьбы между сторонниками государственного и частного регулирования рынков финансов, труда и т. д.

Давос января 2010 г. подтвердил правильность наших суждений насчет невозможности солидарных решений по преодолению кризиса. Каждый спасается сам, с тем отличием, что в этот раз победил Китай.

Но когда все ищут собственные пути выхода из кризиса, наш финансист-либерал А. Кудрин уныло пророчит наступление второго его этапа. И признается, что Россия переходит к внешним заимствованиям, в том числе через евробонусы, несмотря на то, что она имеет 10%-ный дефицит бюджета (от объема ВВП), тогда как допустимым в странах Европы считается дефицит не более 3 %!

⁵ Время новостей. – 2009. – 29 октября. – С. 8.